

ОБ ОДНОЙ НЕЗАВЕРШЕННОЙ ДИСКУССИИ

О.Д. Шемякина

Аннотация. В статье анализируется проблематика моделирования исторических процессов и исследования в области социальной психологии, которые были инициированы дискуссией 1968 года, посвященной обсуждению книги Д.П. Маковского «Первая крестьянская война в России». Необходимость формирования исследовательской позиции, основанной на моделировании, сочетающем количественные и качественные методы, давала возможность выйти за пределы тупиковых ситуаций в дискуссиях, заданных жесткими позициями авторов. Выбранная стратегия исследования, которая была заявлена в 60-е годы XX века, актуальна и в современной историографической ситуации. В статье поднимается проблема изучения факторов, образующих устойчивые системы, таких как языковая картина мира, климат и ландшафт, мотивационно-деятельностная стратегия поведения людей, сценарии движения в социальном пространстве, базовые эмоции и т. д.

Ключевые слова: моделирование исторических процессов, социальная психология, теория отражения, деятельностный подход.

Для цитирования: Шемякина О.Д. Об одной незавершенной дискуссии // Преподаватель XXI век. 2024. № 2. Часть 2. С. 321–327. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-321-327

ABOUT AN UNFINISHED DISCUSSION

321

O.D. Shemyakina

Abstract. The article analyzes the issue of modeling historical processes and research in the field of social psychology, which were initiated by the 1968 discussion of D.P. Makovsky's book "The First Peasant War in Russia". The need to form a research position based on modeling, combining quantitative and qualitative methods, provided an opportunity to go beyond the deadlocks in the discussions set by the rigid positions of the authors. The chosen research strategy, which was declared in the 60s of the twentieth century, is also relevant in the modern historiographical situation. The article raises the problem of studying the factors that form stable systems, such as the linguistic picture of the world, climate and landscape, motivational and action strategy of people's behavior, scenarios of movement in social space, basic emotions, etc.

© Шемякина О.Д., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *modeling of historical processes, social psychology, theory of reflection, activity approach.*

Cite as: Shemyakina O.D. About an Unfinished Discussion. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2024, No. 2, part 2, pp. 321–327. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-321-327

Как показывает опыт преподавания истории студентам исторического факультета МГУ, для полноценного усвоения изучаемого материала (особенно, когда дело касается сложных и спорных вопросов методологии исторических исследований) огромное значение имеет изучение творческого опыта наших учителей. Для меня таким учителем был и остается академик Иван Дмитриевич Ковальченко. Цель данной статьи — познакомить читателя с результатами одной давней дискуссии, поскольку вопросы, поднятые тогда, и намеченные подходы к их решению сохраняют свою актуальность.

Апрель 1968 года. Обсуждение книги Д.П. Маковского «Первая крестьянская война в России» собрало аудиторию в количестве 55 человек и нашло отражение в протоколах кафедры истории России о периоде феодализма в объеме 30 страниц печатного текста. Среди выступающих был Иван Дмитриевич Ковальченко. Его возражения, связанные с анализом концепции Д.П. Маковского, привели к убеждению в необходимости расширения сферы моделирования исторических процессов и развития исследований в области социальной психологии. Нужно отметить, что его позиция представляла собой стратегию, направленную на поиск объективного обоснования авторской позиции, которая предполагала определение качественных границ тех или иных исторических процессов и устойчивых факторов, их конституирующих.

Внимание исследователей к этой проблеме во многом определило и тенденции в современной историографии: в тех исследованиях, в которых лингвистический, пространственный, темпоральный и антропологический повороты, существенно расширившие горизонты исследовательской оптики, присутствуют как необходимое условие работы. Традиционная для историка проблематика по политической и социально-экономической истории, истории идей дополняется изучением таких факторов, образующих устойчивые системы, как, например, языковая картина мира, климат и ландшафт, мотивационно-деятельностная стратегия поведения людей, схемы движения в социальном пространстве личности и социальных групп, базовые эмоции и т. д. Увеличивается не только количество взаимозависимых факторов, предметная область исследования, но и внедряются новые методы. Естественные науки, психология, лингвистика, темпоральные исследования используют формализованные методы анализа изучаемых объектов. Сочетание количественных и качественных методов особо остро ставит вопрос о необходимости разработки философских основ моделирования как общенаучного метода [1] и специфике его в гуманитарной сфере.

Если вернуться к дискуссии 1968 года, то нужно отметить, что большинство ее участников придерживались значимых для советских обществоведов текстов-кормчих классиков марксизма-ленинизма, которые «промыли русла» для дискуссий в советской исторической науке, актуализируя те или иные грани наследия социологической мысли, идущей от Т. Гоббса, для которой конфликт являлся центральным понятием в понимании истоков движения в человеческом обществе. Противоположная ей дильтеевская

традиция в социологии, выстраивающая стратегии исследования в направлении поиска дискурсов единения и солидарности, направленная на объяснение условий стабилизации общественных систем, не сформировала такую мощную исследовательскую традицию в российском социологии конфликта. Интерес к добровольному взаимодействию индивидов с институтами и идеями, которые формируют их опыт, интерес к консенсусу, созданию практик обсуждения и поощрения (диалоговые стратегии власти) [2 с. 272–288] блокировался не только господством советской марксистской парадигмы, но и особенностями историографической ситуации в постсоветское время. Появляются многочисленные антимарксистские версии той же модели насилия, но во главе изучения оказываются политические, а не социально-экономические силы. «Это течение, не случайно совпавшее с развитием интерпретаций советского государства как тоталитарного, рисует Россию раннего времени то как «Восточную деспотию», то как «патримониальное», то как «гипертрофированное» государство или делает акцент на инструментах политического контроля и насилия. Эти идеи в настоящее время популярны в постсоветской России, где историки осваивают работы Герберта Спенсера, Арнольда Тойнби, Ричарда Пайпса, евразийцев и «тоталитарную» модель» [там же, с. 282]. Но стоит отметить: то, что объединяет эти разные традиции социального мышления — это акцент на устоявшиеся социальные категории (помещики и крестьяне, рабочие и капиталисты, государство и противостоящая ему или взаимодействующая с ним в одном контуре власти политическая элита и т. д.).

То, что одни и те же фигуранты исторического действия были включены одновременно в разные стратегии социального взаимодействия, создало тупиковую ситуацию для дискуссий в научной среде. И это обусловлено тем, что у каждой из сторон была своя доказательная база, основанная на реальных процессах исторической действительности, протекающих одновременно: например, можно изучать жесткие нормы регулирования местнических споров в Московском царстве или, напротив, вариативность их выполнения. Исследователям остается только отшлифовать свои позиции, опираясь на выбранные в качестве кормчих тексты. Следует отметить, что их объединяет то, что на понятийном аппарате любого кормчего текста лежит печать особенностей категориального аппарата гуманитарного знания, в котором дефиниции носят преимущественно описательный характер. Не стоит удивляться тому, что интерпретация становится царицей доказательств, и характер дискуссий 1968 года о понимании генезиса капитализма являлся тому подтверждением.

Специфику гуманитарного знания изменить невозможно, даже используя методы математического анализа [3], но выстраивание исследовательской задачи так, чтобы она учитывала множество связей, в том числе петель обратных связей между явлениями общественной жизни, формулирование позиции, открытой для понимания необходимости поисков расширения нейронных связей в общественных системах, представляются важными и осуществимыми, если моделирование общественных процессов станет объектом исследовательской рефлексии. Отражение действительности в создаваемой исследовательской модели предполагает поиск скрытой информации, и это возможно в результате появления в исследовательском поле новых факторов и расширения арсенала методов исторического исследования. В 80-е годы прошлого века семинар по источниковедению, который вел В.И. Бовыкин, начинался с изучения текстов болгарского философа Тодора Павлова, разработавшего теорию

отражения и оказавшего значительное влияние на советскую философию, прежде всего, на творчество выдающегося отечественного философа Э.В. Ильенкова, который, интерпретируя эту теорию, делал акцент на активности человеческого сознания. Ссылки на Э.В. Ильенкова постоянно встречаются в работах по культурно-исторической теории деятельности [4].

Нужно отметить, что потребность в моделировании появилась в глубокой древности и связана она было с ограничением возможностей непосредственного визуального опыта и страхом потери контроля над крупными социальными объектами. Неквантитативное множество внушало страх, вызывало мистический ужас в мифологических текстах: неохватность для человеческого глаза, неисчислимость, неопределенность границ составляли психическую субстанцию страха [5, с. 134]. А в практиках управления это означало отсутствие возможности прогнозирования сбора налога со статистически значимого, но постоянно перемещающегося населения. Первые кадастры служили цели преодоления коллапса управления. Идея подобного моделирования носила утилитарный характер, поэтому все живое и органичное в социальной материи превращалось в мертвое и механическое, выполняя чисто практическое назначение, формируя и фабрикуя неорганизованную материю [6]. Подобные действия опирались на память-привычку, благодаря которой человек приспосабливается к сложившейся на данный момент ситуации, опираясь на прошлый опыт [7, с. 485–496].

Прагматика власти рождала упрощенные модели, с помощью которых решались утилитарные задачи. Моделирование в науке предполагает иное погружение в прошлое: в поток жизни, в котором человек молился в храме, сеял рожь, торговал юфтью, занимался разбоем или защищал свою земли. Объединял это многообразие проявлений человеческой активности единый алгоритм: мотив — решение — действие, которое реализовывалось в конкретном физическом пространстве и в конкретных социокультурных средах. Деятельностный поход и модели, построенные с его помощью, предполагают как изучение крупных планов в выявлении мотивационно-деятельностной схемы, так и индивидуальную мобильность, сценарии социального движения (миграции, колонизации), взаимодействие магистральных и локальных культур и т. д. [8; 9]. Моделирование на основе деятельностного подхода не просто увеличивает количество факторов, разных по своему происхождению, но и легитимирует изучение процесса деятельности, в котором обнаруживаются точки входа этих факторов и их пересечение. Мир-системное измерение деятельностного подхода дает возможность понять масштабность и длительность изучаемых процессов.

Антропологический поворот, который позволил сместить центр тяжести с традиционных оппозиций социальной истории, которые являлись статичными элементами конструкции, на «человека действующего», дает возможность выйти за внешний контур норм публично-правовых актов в ту густоту жизни, которой занимается новая социальная история. Ее невозможно изучать, например, без частноправовых актов, владельческих записей на книгах, приговоров сельских сходов, челобитий, посланий и поучений, дневников и мемуаров, травелогов и других документов по истории социальных взаимодействий и эго-документов.

В этих источниках многообразие человеческой деятельности, ее мотиваций улавливается на персональном уровне. В них накапливалась информация, которая давала понять, как человек осваивал социальное пространство, перемещался в реальном

физическом, путешествуя, торгуя, скрываясь от властей, осваивая новую среду обитания, двигался в пространстве смыслов. В деятельностном подходе субъектность власти изучается не только в правотворческом аспекте, но и в особенностях политической воли, без которой невозможны были, например, технологические заимствования в такой зоне сверхинтенсивного взаимодействия, как евразийское, информационный обмен [10, с. 88, 502–518] (например, организация переводческих мастерских на Великом шелковом пути) [11, с. 712–734], создание социальных институтов, снижающих риски отсутствия прогнозов в сфере обеспечения необходимыми ресурсами государства (можно привести в качестве примера служебную организацию в русской истории) [12, с. 297–366] и т. д.

Пересечение этих зон субъектности, в которых особую роль играла также корпоративная воля больших групп населения, прочерчивало сложные петли взаимозависимости, упраздняя возможность исследовательской позиции, выстроенной вокруг действия какого-либо одного фактора. Естественная среда обитания человека, климат и ландшафт, в котором разворачивалась человеческая деятельность, усложняют исследовательские модели введением устойчивых и изменчивых факторов, обнаруживая скрытые зависимости.

П. Уваров обратил внимание на исследование А.В. Коротаева, В.В. Клименко и Д.Б. Пруссакова, предложивших оригинальную теорию возникновения ислама [13]. «Авторы констатировали катастрофическое изменение климата в Аравии VI века, вызванное извержением вулкана в Индонезии (о чем, в частности, свидетельствуют гляциологи, изучавшие антарктический шельф). Сокращение «потолка возможностей» привело к тому, что существовавшие на Аравийском полуострове достаточно сложные государственные или протогосударственные структуры оказались слишком «дорогим удовольствием» и арабские племена перешли к более экономичной кланово-племенной организации. Но для урегулирования отношений между кланами, мобилизации их для решения важных задач (в условиях экспансии соседних «сверхдержав» — Ирана, Византии, Аксума) требовались межклановые и межплеменные посредники. Их роль выполняли многочисленные пророки. Мухаммед был одним из них, в силу ряда причин более удачливым» [14, с. 257].

Моделирование в истории, объектом внимания которого является «человек действующий», адогматично по своей сути. Оно оставляет скрижали заветов тем, кто не может с ними расстаться, и предоставляет исследователю статус вечно озадаченного. И в этом, на мой взгляд, ценность позиции И.Д. Ковальченко в дискуссии конца 1960-х годов, позиции, которая предугадала последующие повороты в гуманитарном знании (пространственный, темпоральный, антропологический), обосновавшие множественность и вариативность проявления живой ткани истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трофименко, В.В. Философские аспекты проблемы моделирования в современной исторической науке: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Челябинск: Челябинский государственный педагогический университет, 1998.
2. Коллманн, Н.Ш. Соединенные чество. Государство и общество в России раннего нового времени / пер. с англ. А.Б. Каменский. М.: Древлехранилище, 2001. 459 с.

3. Гагарина, Д.А. Моделирование в истории: подходы, методы, исследования // Вестник Пермского университета. Серия: Математика. Механика. Информатика. 2009. № 7. С. 26–33.
4. Майданский, А.Д. Мыслить конкретно: дело «Советского европейца» Эвальда Ильенкова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 16 (159). С. 29–35.
5. Шемякина, О.Д. О видимом и невидимом в российском социокультурном пространстве. Российский опыт в универсальном контексте // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. М., 2019. С. 132–140.
6. Гайдено, П.П. Бергсон // Большая советская энциклопедия: в 30-ти томах. М.: Советская энциклопедия, 1969.
7. Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1407 с.
8. Головнёв, А.В., Белоруссова, С.Ю., Киссер, Т.С. Очерки антропологии движения. СПб.: МАЭ РАН, 2020. 336 с.
9. Головнёв, А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 495 с.
10. Крадин, Н.Н., Скрынникова, Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Академический проект, 2022. 598 с.
11. Эспань, М. История цивилизаций как культурный трансфер / под общ. ред. Е.Е. Дмитриевой; вступ. статья Е.Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 811 с.
12. Флора, Б.Н. Служебная организация и ее традиции в историческом развитии России // Города и люди старой России. К юбилею проф. Н.В. Козловой. Сборник научных статей. М., 2023. С. 297–366.
13. Коротаев, А.В., Клименко, В.В., Пруссаков, Д.Б. Возникновение ислама. М.: ОГИ, 2007. 109 с.
14. Уваров, П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 277 с.

REFERENCES

1. Trofimenko, V.V. *Filosofskie aspekty problemy modelirovaniya v sovremennoj istoricheskoy nauke* [Philosophical Aspects of the Problem of Modeling in Modern Historical Science]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Philosophy). Chelyabinsk, Chelyabinskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 1998. (in Russ.)
2. Kollmann, N.Sh. *Soedinennye chestyu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni* [United by Honor. The State and Society in Early Modern Russia]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2001, 459 p. (in Russ.)
3. Gagarina, D.A. Modelirovanie v istorii: podhody, metody, issledovaniya [Modeling in History: Approaches, Methods, Research], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Matematika. Mekhanika. Informatika* = Bulletin of the Perm University. Series: Mathematics. Mechanics. Computer science, 2009, No. 7, pp. 26–33. (in Russ.)
4. Majdanskiy, A.D. Myslit konkretno: delo “Sovetskogo evropejca” Evalda Ilenkova [To Think Concretely: The Case of the «Soviet European» Evald Ilyenkov], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo* = Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right, 2013, No. 16 (159), pp. 29–35. (in Russ.)

5. Shemyakina, O.D. O vidimom i nevidimom v rossijskom sociokulturnom prostranstve. Rossijskij opyt v universalnom kontekste [About the Visible and Invisible in the Russian Socio-Cultural Space. The Russian Experience in a Universal Context]. In: *Rol izobrazitelnyh istochnikov v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki* [The Role of Visual Sources in the Information Support of Historical Science: A Collection of Articles], ed. by A.G. Golikov. Moscow, 2019, pp. 132–140. (in Russ.)
6. Gajdenko, P.P. Bergson [Bergson]. In: *Bolshaya sovetskaya enciklopediya: v 30-ti tomah* [The Great Soviet Encyclopedia, in 30 vols]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1969. (in Russ.)
7. Bergson, A. *Tvorcheskaya evolyuciya. Materiya i pamyat* [Creative Evolution. Matter and Memory]. Minsk, Harvest, 1999, 1407 p.
8. Golovnyov, A.V., Belorussova, S.Yu., Kisser, T.S. *Ocherki antropologii dvizheniya* [Essays on the Anthropology of the Movement]. St. Petersburg, Muzej antropologii i etnografii Rossijskoj akademii nauk, 2020, 336 p. (in Russ.)
9. Golovnyov, A.V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoj Evrazii)* [Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia)]. Ekaterinburg, Uralskoe otdelenie Rossijskoj akademii nauk, Volot, 2009, 495 p. (in Russ.)
10. Kradin, N.N., Skrynnikova, T.D. *Imperiya Chingis-hana* [The Empire of Genghis Khan]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2022, 598 p. (in Russ.)
11. Espan, M. *Istoriya civilizacij kak kulturnyj transfer* [The History of Civilizations as a Cultural Transfer], ed. by E.E. Dmitrieva. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 811 p. (in Russ.)
12. Florya, B.N. Sluzhebnyaya organizaciya i ee tradicii v istoricheskom razvitii Rossii [The Service Organization and Its Traditions in the Historical Development of Russia]. In: *Goroda i lyudi staroj Rossii. K yubileyu prof. N.V. Kozlovoj* [Cities and People of Old Russia. To the Anniversary of Professor N.V. Kozlova: Collection of Scientific Articles]. Moscow, 2023, pp. 297–366. (in Russ.)
13. Korotaev, A.V., Klimenko, V.V., Prussakov, D.B. *Vozniknovenie islama* [The Emergence of Islam]. Moscow, Obedinennoe gumanitarnoe izdatelstvo, 2007, 109 p. (in Russ.)
14. Uvarov, P.Yu. *Mezhdru “ezhami” i “lisami”. Zаметki ob istorikah* [Between “Hedgehogs” and “Foxes”. Notes on Historians]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 277 p. (in Russ.)

Шемьякина Ольга Дмитриевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, кафедра истории России до начала XIX века, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, shemyakinx3@gmail.com

Olga D. Shemyakina, PhD in History, Researcher, History of Russia before the Beginning of the XIX Century Department, Lomonosov Moscow State University, shemyakinx3@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.02.2024. Принята к публикации 15.03.2024

The paper was submitted 26.02.2024. Accepted for publication 15.03.2024